

Типическія системы философії¹⁾.

(Научное міровоззрѣніе и философія).

Выводами, изложенными въ моей статьѣ „Аксіомы философії“, мой споръ съ профессоромъ В. И. Вернадскимъ кончается. Если я не ошибаюсь, я показалъ, что и въ философскомъ міровоззрѣніи, какъ въ научномъ, существуютъ истины общепризнанныя и что всѣ вѣроятности заставляютъ приписать имъ объективную достовѣрность, по крайней мѣрѣ, когда мы дадимъ имъ точное и непредвзятое выражение. Почему же это мало замѣчаютъ? Мне кажется, именно въ виду ихъ общепризнанности, общепонятности и общеизвѣстности. Мы менѣе всего цѣнимъ то, что всегда передъ нами, что давно намъ знакомо и близко, что интимно вплетается во всѣ наши представлени¤ и умственны¤ операци¤ и о чёмъ мы поэтому всего менѣе думаемъ. Чтобы выдѣлить и понять значеніе этихъ всегда въ насъ дѣйствующихъ факторовъ нашей умственной жизни, надо стать на очень отвлеченную точку зрењія и серьезно задать себѣ вопросъ: во что обратилось бы наше міросозерцаніе, если бы этихъ факторовъ совсѣмъ въ насъ не было?

Но съ другой стороны, если эти факторы въ насъ есть, это рѣшительнымъ образомъ подрываетъ тотъ взглядъ, что всякая философскія идеи, кому бы они ни принадлежали и какъ бы ни развивались, во всемъ своемъ составѣ представляютъ плодъ лишь субъективнаго настроенія и личнаго

1) „Вопр. и Фил. и Псих.“ № 80.

вкуса. Нельзя въ такомъ случаѣ признать и логической равнозначности различныхъ метафизическихъ теорій, что являлось бы довольно неизбѣжнымъ, если бы весь смыслъ ихъ существованія заключался только въ томъ, что каждая изъ нихъ по-своему лирически выражаетъ личную настроенность ихъ авторовъ. Въ аксиоматическихъ истинахъ разума лежитъ невольный судъ надъ ними. Степенью ихъ соответствія съ этими истинами и вѣрности толкованія и примѣненія такихъ истинъ опредѣляется внутренняя цѣна самихъ теорій. Мы получаемъ такимъ образомъ возможность различать между *субъективнымъ* и *объективнымъ* въ каждой данной философской системѣ, а это является въ высшей степени важнымъ, если имѣть въ виду, какое огромное мѣсто въ философскихъ построеніяхъ, какъ бы ни объясняли мы ихъ происхожденіе въ цѣломъ, принадлежитъ ихъ чисто субъективнымъ элементамъ.

Приходится, однако, ждать одного возраженія: присутствіе въ различныхъ философскихъ теоріяхъ нѣсколькихъ одинаковыхъ, хотя очень разнообразно формулированныхъ утверждений, едва ли само по себѣ способно дать имъ прочное логическое положеніе. Едва ли также эти одинаковыя утверждения могутъ служить содержательнымъ мѣриломъ при сужденіи о философскихъ міросозерцаніяхъ по ихъ существу. Вѣдь то, что раньше было названо аксиомами философіи, представляеть собою лишь самая общія мѣста человѣческой мысли. При изученіи эволюціи философскихъ ученій для нась едва ли могутъ быть интересны эти общіе пункты, въ которыхъ они всѣ совпадаютъ между собою. Для нась важно то, что ихъ раздѣляетъ и составляетъ своеобразную физіономію каждого изъ нихъ. И вотъ въ этомъ отношеніи едва ли можно говорить объ объективномъ достоинствѣ философскихъ теорій. Этому препятствуетъ самая ихъ многочисленность: въ исторіи мысли ихъ было неисчислимое множество, ихъ слѣдуетъ ждать много и въ будущемъ. Каждая изъ нихъ одинаково хорошо или одинаково дурно объясняетъ міръ. Для предпочтенія какой-нибудь одной изъ

нихъ всѣмъ другимъ—объективнаго критерія нѣтъ никакого. Какъ же говорить объ объективной достовѣрности въ философіи?

На такое разсужденіе можно отвѣтить многое. И прежде всего совершенно ясно, что если вообще въ философіи содержится объективная истина, то она, конечно, всего скорѣе должна заключаться не въ томъ, что въ враждующихъ философскихъ ученіяхъ есть особенного и раздѣляющаго ихъ между собою, а въ томъ, что ихъ объединяетъ. Вѣдь истина на свѣтѣ одна. Разумѣется, вполнѣ возможенъ случай, что какая-нибудь частная истина выражена въ одномъ ученіи лучше, чѣмъ въ другомъ, или что какая-нибудь одна философская система выдвинула такую сторону истины, которую другія игнорировали совсѣмъ. Подобные факты очень часто встрѣчаются намъ въ исторіи мысли. Но все же, если мы не признаемъ какую-нибудь одну философскую теорію прошлаго за выраженіе всей полноты истины и при томъ только одной истины (какъ, напримѣръ, относились средневѣковые схоластики къ Аристотелю), а всѣ другія не считаемъ за одну сплошную ложь, мы едва ли поставимъ на одну доску по степени объективной важности отдѣльныя случайныя мнѣнія философа по частнымъ вопросамъ и защищаемыя ими универсальная истины. Впрочемъ, даже при такомъ исключительномъ предпочтеніи одного ученія всѣмъ другимъ, мы будемъ приписывать абсолютную цѣнность всѣмъ частнымъ особенностямъ только этого ученія, а не какого-нибудь другого. Нѣть спора, съ исторической точки зрењія въ данномъ философскомъ міросозерцаніи все интересно—и его общелогические моменты и воплотившіеся въ немъ личные взгляды и настроенія его автора: но такой интересъ мы и называемъ *историческимъ*.

Далѣе, если аксиомы философіи называть „общими мѣстами“, то вѣдь съ неменьшимъ основаніемъ и правомъ можно назвать общими мѣстами и всякия другія обобщенія, безспорныя, всѣмъ извѣстныя и всѣми признанныя, съ которыми мы встрѣчаемся въ другихъ наукахъ. Что солнце

каждый день восходитъ и заходитъ, конечно, въ этомъ смыслѣ есть общее мѣсто. Но можно ли отрицать его великое значеніе, какъ даннаго астрономії? Аксіомы геометріи также можно назвать общими мѣстами, о которыхъ не стоитъ много думать и разговаривать: а во что обратится геометрія, если ихъ отбросить? Подобная же роль принадлежитъ и аксіомамъ философіи: отрицать ихъ способность являться весьма существеннымъ критеріемъ при оцѣнкѣ содержанія философскихъ построеній было бы совершенно голословнымъ приговоромъ. Вѣдь среди этихъ аксіомъ мы имѣемъ принципъ тожества, а этимъ принципомъ (какъ и его отрицательнымъ выражениемъ—принципомъ противорѣчія) судится всякая человѣческая мысль,—не только философская. Мы могли также убѣдиться, какъ рѣшительно отражается одностороннее толкованіе аксіомы субстанціальности на выводахъ отдельныхъ философовъ, напр., на системѣ Спинозы. Не ясно ли, что *истинное* толкованіе этой аксіомы содержало бы въ себѣ весьма недвусмысленный судъ надъ подобными системами? Или, обращаясь къ прежде разсмотрѣнному примѣру: развѣ отказъ отъ цѣлаго ряда аксіомъ разума, однако съ постепеннымъ ихъ обратнымъ введеніемъ въ міросозерцаніе, при томъ въ самомъ грубомъ и произвольномъ видѣ, наблюдаемый въ философскихъ построеніяхъ Маха и Авенаріуса, не составляетъ настойчиво предупреждающаго показанія противъ раболѣпнаго увлеченія этими построеніями?

Но все равно,—какъ говорить объ общеобязательной истинѣ въ философіи, когда философскихъ ученій такое огромное множество? Однако, вѣдь и научныхъ теорій и гипотезъ за исторію науки возникало и возникаетъ безчисленное множество,—значить ли это, что никакого объективнаго достоинства въ нихъ нѣтъ и не было? Пуанкаре показалъ, что если найдено одно механическое толкованіе какихъ-нибудь явленій природы, ихъ можетъ быть найдено бесконечное множество,—следуетъ ли изъ этого, что отъ всякихъ механическихъ толкованій природы нужно отказаться? За что же у гипотезъ философіи отыматъ всякое

объективное значение только потому, что въ исторіи мысли ихъ существуетъ очень много?

Однако, здѣсь поднимается другой вопросъ великой принципіальной важности: точно ли философскихъ гипотезъ о вещахъ такъ много? Нѣтъ сомнѣнія, если подъ философскимъ міровоззрѣніемъ каждого лица разумѣть всю совокупность его мнѣній по какимъ бы то ни было вопросамъ—всю сумму его теоретическихъ и практическихъ взглядовъ,—философскихъ міросозерцаній окажется столько же, сколько было философовъ. Но вѣдь то же самое придется сказать и о міросозерцаніяхъ научныхъ: если подъ ними понимать всю совокупность мнѣній каждого ученаго о всевозможныхъ научныхъ предметахъ, то у каждого ученаго будетъ свое особое научное міросозерцаніе, и такихъ міросозерцаній будетъ столько же, сколько было и есть ученыхъ. Философское міровоззрѣніе даннаго человѣка слагается изъ посильнаго рѣшенія всѣхъ проблемъ жизни и мысли; но далеко не всѣ онѣ и не въ каждое данное время допускаютъ законченное логическое и объективное рѣшеніе. Поэтому въ философское міровоззрѣніе неизбѣжно входитъ много чисто субъективныхъ элементовъ: предположеній, чаяній, догадокъ, вѣрованій. Съ собственными мнѣніями и выводами философа тѣсно и неразличимо сливаются взгляды и вѣрованія его современниковъ: только имѣя въ виду опредѣленный исторический фонъ, понимаемъ мы характеръ личнаго творчества великихъ мыслителей прошлаго. Разнообразное сочетаніе субъективныхъ проявленій гenія съ вліяніями эпохи составляетъ то неповторяющее въ каждомъ значительномъ философскомъ міросозерцаніи, что принадлежитъ ему одному. Міросозерцаніе действительно замѣчательного и оригинального мыслителя обыкновенно представляеть изъ себя внутреннее нерасторжимое единство. Но это единство очень часто бываетъ скорѣе органическимъ и художественнымъ, чѣмъ строго логическимъ. Оно даже иногда совмѣщается съ бросающимися въ глаза логическими противорѣчіями въ окончатель-

ныхъ концепціяхъ, къ которымъ приходитъ данный философъ. Яркій примѣръ этому можно указать въ философіи Шопенгауэра: при самыхъ заурядныхъ критическихъ способностяхъ легко замѣтить, до какой степени отдѣльные предположенія его системы находятся въ логическомъ разногласіи между собою.

Тѣмъ не менѣе, очень важно именно то, что мы, при серьезномъ критическомъ отношеніи, легко различаемъ логическое единство ученія отъ его только художествен-наго единства. Положимъ, мы видимъ материалиста, который, признавъ за веществомъ только чисто виѣшнія свойства протяженности, подвижности, инерціи, непроницаемости и т. д., и объяснивъ изъ нихъ бытіе міра въ его цѣломъ, потомъ вдругъ (а это у материалистовъ бываетъ очень часто еще со временъ Гоббса), когда вопросъ заходитъ о нашемъ собственномъ психическомъ существованіи, подвергаетъному сомнѣнію принадлежность этихъ виѣшнихъ свойствъ веществу въ немъ самомъ, начинаетъ говорить о непостижимости внутренней сущности материального, высказываетъ даже предположеніе о внутренней одушевленности всѣхъ вещественныхъ элементовъ. Мы, можетъ быть, совершенно поймемъ субъективные мотивы, которые заставляютъ его въ этомъ случаѣ такъ рѣшительно отказаться отъ своего первоначального взгляда, но мы все-таки прежде всего замѣтимъ логическую несовмѣстимость второй оцѣнки природы вещества съ ея первой оцѣнкой: какая-нибудь изъ нихъ можетъ быть вѣрна, обѣ заразъ быть вѣрны не могутъ. Стремленіе во что бы то ни стало въ общемъ міропониманіи сохранить первую оцѣнку вещества, несмотря на признанную справедливость второй, можетъ диктоваться весьма живою потребностью даннаго умственного склада смотрѣть на вещи подъ материалистическимъ угломъ зре-нія—мы все же должны согласиться, что эта потребность не нашла себѣ *логическую* выраженія. Материалистической взглядъ имѣеть свою внутреннюю логику, и въ данномъ примѣрѣ она оказывается нарушенною. Спиноза, съ одной

стороны, въ охватывавшей все его существо идеѣ мірового единства, съ другой стороны, въ совершенномъ своемъ подчиненіи дуалистическимъ понятіямъ Декарта обѣ абсолютной противоположности матеріи и духа, имѣль вполнѣ достаточные субъективные мотивы, чтобы, настаивая на единствѣ Божественной субстанціи, приписывать ей, однако, такие атрибуты, которые совсѣмъ исключаютъ другъ друга и образуютъ дваничѣмъ не связанные и никакого взаимодѣйствія не допускающие независимые міра—это не мѣшаетъ ученію Спинозы обѣ атрибутахъ, съ логической точки зрењія, быть самой темной и противорѣчивой частью его системы. Количество подобныхъ примѣровъ можно было бы очень умножить: мы судимъ философскія ученія ихъ внутреннею логикой; какъ бы ни были драгоцѣнны для насъ субъективные моменты философской системы въ смыслѣ выраженія духовной личности ея автора, мы ихъ невольно отбрасываемъ или отодвигаемъ на задній планъ, когда пытаемся видѣть въ данномъ ученіи объективно вѣроятное толкованіе существующаго. Вѣдь именно въ устраниніи субъективныхъ чертъ, частныхъ противорѣчій, недоговоренности и личныхъ колебаній заключается главный двигатель дальнѣйшаго развитія доктрины отдѣльныхъ мыслителей у послѣдователей основанныхъ ими школъ.

Итакъ, въ воззрѣніяхъ философовъ, кромѣ элементовъ чисто субъективныхъ, всегда присутствуютъ элементы объективные. Если первымъ нѣтъ основаній приписывать обязательности для кого бы то ни было, вторые несомнѣнно обладаютъ объективною обязательностью, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что если мы усвоили посылки данной философской теоріи, мы тѣмъ самымъ обязаны принять и всѣ логическія слѣдствія изъ нея. Въ этомъ отношеніи отдѣльныя философскія теоріи можно сопоставить съ гипотезами: ихъ различіе отъ гипотезъ отдѣльныхъ наукъ, какъ мы это уже отчасти видѣли раньше, заключается только въ степени общности поставленныхъ задачъ. Научныя гипотезы стремятся объяснить частныя свойства, частные законы и част-

ныя отношения действительности въ ея наблюдаемомъ конкретномъ строѣ,—иначе говоря, особенную природу отдельныхъ группъ наблюдаемыхъ явлений. Напротивъ, философія ставить вопросъ объ общихъ условіяхъ и общихъ основахъ всякаго бытія вообще и все частное рассматриваетъ лишь въ свѣтѣ дѣлаемыхъ ею универсальныхъ предположеній и въ связи съ ними. Но судимъ мы и о философскихъ теоріяхъ и о научныхъ гипотезахъ по однимъ и тѣмъ же критеріямъ: 1) по логической обоснованности и внутренней связи входящихъ въ ихъ содержание положеній, 2) по степени ихъ пригодности для объясненія того, что онѣ хотятъ объяснить.

И вотъ, если имѣть въ виду то, что я назвалъ внутреннею логикою философскихъ учений, т.-е. выражаяющуюся въ нихъ связь опредѣленныхъ логическихъ выводовъ съ опредѣленными универсальными принципами, то кажущееся неограниченное разнообразіе философскихъ идей въ исторіи сведется къ весьма немногимъ повторяющимся общимъ типамъ умозрительного міропониманія. Форма этихъ типическихъ воззрѣній можетъ очень меняться по приемамъ и методамъ ихъ логического обоснованія, по степени полноты, послѣдовательности и законченности ихъ развитія, наконецъ, въ зависимости отъ дополнительныхъ предположеній, заимствованныхъ изъ религіознаго или научнаго источника; которые въ общемъ міросозерцаніи отдельныхъ мыслителей часто сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое съ ихъ онтологическими и метафизическими концепціями,—но типическое содержаніе этихъ основныхъ философскихъ воззрѣній въ томъ, что оно имѣть существеннаго, остается неизмѣннымъ. Существованіе такихъ общихъ типовъ философскаго пониманія давно замѣчено философами и историками, имъ дана болѣе или менѣе опредѣленная характеристика и классификація, для нихъ неоднократно пытались установить обозначающее ихъ термины. По отношенію къ этимъ общимъ типамъ приходится отмѣтить еще одну очень важную особенность: на исторической сценѣ они возникаютъ не случайно; они появляются въ опредѣленной послѣдовательно-

сти, начинаясь отъ однихъ и потомъ постепенно, въ болѣе или менѣе устойчивомъ порядкѣ, переходя къ другимъ. Въ этомъ легко убѣдиться для каждого безпристрастнаго критика, который разсмотрить въ цѣломъ такие періоды прошлой исторіи философіи, которые представляютъ собой какъ бы законченные исторические циклы развитія философской мысли, какими являются, напримѣръ, исторія греко-римской философіи въ древнемъ мірѣ или исторія новоевропейской философіи отъ эпохи Возрожденія до нашего вѣка. Этотъ въ общемъ единообразный порядокъ исторического преемства въ типахъ философскаго міропониманія (несмотря на частныя задержки, отклоненія и нерѣдко наблюдавшія временные возвращенія къ старому) опять-таки обнаруживаетъ извѣстную внутреннюю логику ихъ сравнительныхъ преимуществъ.

Въ высшей степени характерно, что философская мысль и въ древней Греціи, и въ новой Европѣ, несмотря на рѣзкое несходство историческихъ условій ея возникновенія, первоначально принимаетъ форму *илюзиизма*, т.-е. безразличнаго смѣшенія опредѣленій духовныхъ и вещественныхъ въ представлениі о существующемъ, съ признаніемъ первой основы вещей начала столько же духовнаго, сколько и материальнаго (напр., воздуха или эїира, который одновременно есть и вещественная стихія, изъ которой выдѣлились всѣ другія стихіи, и верховный божественный разумъ, все направляющій соотвѣтственно высшимъ законамъ нравственной правды). Эта точка зрењія, сначала общая у всѣхъ философовъ, въ дальнѣйшемъ развитіи мысли, въ своячіи чистотѣ видѣ почти не повторяется,—развѣ за исключеніемъ періодовъ явнаго упадка умозрительныхъ интересовъ,—и обыкновенно замѣняется господствомъ или *дуалистическихъ* (основанныхъ на признаніи абсолютно противоположной природы у матеріи и духа) или *матеріалистическихъ* вззрѣній. Далѣе, въ связи съ сознаніемъ внутреннихъ логическихъ противорѣчій въ дуалистическихъ и материалистическихъ теоріяхъ, обыкновенно пріобрѣтаютъ силу скеп-

тическія ученія¹⁾), въ послѣдней інстанціи всегда опирающіяся на предположеніе объ абсолютной непостижимости настоящей сущности вещей (точка зре́ння феноменизма или иллюзіонизма). И наконецъ въ эпохи наибольшаго расцвѣта умозрительного творчества и наибольшей широты философскихъ запросовъ, въ напряженной борьбѣ съ раньше пережитыми формами философской мысли, односторонность и недостаточность которыхъ вполнѣ понята и сознана, начинаютъ возникать попытки дать законченное идеалистическое или духовное толкованіе существующаго²⁾.

Однако, самый идеализмъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи получаетъ важныя видоизмѣненія и оттѣнки при постановкѣ своихъ основныхъ воззрѣній и задачъ: здѣсь прежде всего приходится имѣть въ виду противоположность *абстрактнаго идеализма* или *панлогизма* и *идеализма конкретнаго* или *спиритуализма*. Панлогический идеализмъ полагаетъ сущность бытія въ формальномъ логическомъ принципѣ или идеѣ, т.-е. въ универсальномъ умопостигаемомъ законѣ, который есть внутренний разумъ вещей и который, несмотря на свою совершенно отвлеченную природу, есть единственный источникъ и двигатель развитія и разнообразія міровой и человѣческой жизни. (Вполнѣ послѣдовательное выраженіе этого взгляда нашелъ себѣ только въ философіи Гегеля,

1) Это съ особеною наглядностью замѣтно на условіяхъ возникновенія софистического движения.

2) Широкій и примирительно-критический по отношенію къ предшествующимъ формамъ философіи характеръ идеалистическихъ построеній ясно виденъ въ развитіи идеализма древнихъ отъ Сократа черезъ Платона и Аристотеля до геніально смѣлыхъ системъ неоплатонизма. Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать и объ эволюціи идеалистического направленія въ новое время, начиная отъ Канта (пожалуй даже Лейбница и Берклія) и до нашихъ дней. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что развитіе идеалистической философіи (быть можетъ, въ виду широты и универсальной всеобщности ея основной задачи) обыкновенно не представляетъ непрерывнаго движенья и чаще, чѣмъ въ другихъ направленіяхъ философской мысли, перемежается попятными шагами къ пережитымъ и покинутымъ точкамъ зре́ння. Наше время наглядно подтверждаетъ это хаотичностью своихъ философскихъ теченій.

хотя его зачатки можно указать еще въ древности, отчасти въ теоріи идей Платона, еще болѣе въ учениі о формѣ Аристотеля). Спиритуализмъ, напротивъ, если можно такъ выразиться, признаетъ *реалинную духовность* существующаго, независимую отъ нашихъ отвлеченій и логическихъ обобщеній: для него начало и основа вещей есть сила духовная въ себѣ, внутренно живая и дѣйственная до всякаго воплощенія въ жизни природы и человѣчества. А черезъ это для него и всѣ вещи внутри себя духовны, потому что въ окончательномъ итогѣ ничего нѣть кромѣ духа. Въ новой философіи такъ впервые училъ Лейбницъ, и къ этому основному его воззрѣнію такъ или иначе примыкали и примыкаютъ всѣ позднѣйшіе представители идеализма *не панлоги ческаю*. Впрочемъ, спиритуализмъ главнаго предположенія панлогической философіи о внутреннемъ разумѣ и смыслѣ бытія и о внутренней идеальной законности вещей вовсе не отрицаєтъ: онъ отказывается только признать въ отвлеченномъ законѣ вещей творческій источникъ самого ихъ бытія; онъ усматриваетъ въ какихъ бы то ни было законахъ вселенной только способы дѣйствія и проявленія ея внутренней духовной основы, а не причину существованія этой основы и тѣхъ силъ, которыми обеспечивается господство закона надъ жизнью міра. Коренная мысль панлогизма, съ этой точки зреянія, есть только одинъ изъ элементовъ общаго спиритуалистического міросозерцанія.

Сопоставленіе древней философіи съ новой поучительно не только въ виду сходства въ послѣдовательномъ развитіи однородныхъ типовъ философскаго міропониманія, оно не менѣе интересно и по существенному различію въ умозрительномъ выраженіи и полнотѣ раскрытия этихъ типовъ, зависящему отъ историческихъ, культурныхъ, религіозныхъ и научныхъ условій этого развитія. Напримѣръ, въ древности гилозоизмъ въ философіи господствовалъ очень долго и даже когда долженъ былъ уступить первенствующее положеніе болѣе отчетливымъ философскимъ воззрѣніямъ, еще неоднократно возрождался и постоянно оказывалъ безсо-

знательное воздѣйствіе на подробности ученій, его замѣнившихъ. Напротивъ, въ новое время развитіе гилозоизма ограничивается эпохой Возрожденія, а потомъ, въ особенности послѣ Декарта, онъ почти безслѣдно исчезъ изъ філософії. Наоборотъ, материализмъ въ древнемъ мірѣ никогда не выходилъ за предѣлы отдѣльныхъ філософскихъ сектъ, тогда какъ въ новой Европѣ, благодаря его огромному утилитарному значенію въ качествѣ источника и вдохновителя вспомогательныхъ гипотезъ естествознанія, онъ получаетъ все возрастающее значение и постепенно дѣлается единственнымъ філософскимъ міросозерцаніемъ огромныхъ культурныхъ круговъ. Не менѣе любопытна судьба філософскаго идеализма въ древнемъ и новомъ мірѣ. Въ древности идеализмъ, какія бы утонченныя формы онъ ни принималъ, никакъ не могъ вполнѣ эмансирироваться отъ дуалистическихъ представлений: матерія постоянно предносилась мысли его представителей какъ нѣкоторая абсолютная и въ то же время несомнѣнно реальная противоположность духовному началу. Напротивъ, въ новое время матерія въ цѣломъ рядѣ самыхъ разнообразныхъ системъ безъ остатка сведена къ чисто идеальнымъ силамъ. Въ связи съ этимъ находится другая важная особенность въ развитіи идеализма въ новое время: въ древности мы ни у кого не встрѣчаемъ послѣдовательно проведенной теоріи субъективнаго идеализма (признанія всего материальнаго міра за простое представленіе сознавшаго духа). Напротивъ, въ новой філософії субъективный идеализмъ находитъ очень видныхъ и послѣдовательныхъ защитниковъ, а въ наши дни, благодаря широкому распространенію теоріи познанія Канта, его, пожалуй, нужно считать господствующимъ філософскимъ воззрѣніемъ, хотя это не всѣми ясно сознается.

Итакъ, исторически существовавшія філософскія ученія распадаются на немногіе основные типы філософскаго пониманія. Если мы отвлечемся отъ различія методологическихъ приемовъ, помошью которыхъ мыслители приходятъ къ своимъ построеніямъ (сравнительнаго преобладанія у

нихъ рационалистическихъ или, напротивъ, эмпирическихъ тенденций) и ограничимся только коренными особенностями въ самомъ содержаніи философскихъ представлений о дѣйствительной природѣ вещей, мы получимъ слѣдующія типическія формы философскихъ воззрѣній: 1) Гилозоизмъ, 2) дуализмъ матеріи и духа, 3) матеріализмъ (ученіе о томъ, что истинно-сущее есть протяженно-непроницаемая, подвижная субстанція, имѣющая только внѣшнія—механическія и физическія—опредѣленія, но не обладающая никакими внутренними, духовными свойствами). 4) Феноменизмъ или агностицизмъ; иначе его можно охарактеризовать, какъ ноуменизмъ, отъ кантовскаго термина *ноуменъ*, которымъ онъ обозначаетъ непостижимыя и ни въ какомъ человѣческомъ положительномъ понятіи невыразимыя *вещи въ себѣ*. Феноменизмъ въ своемъ скептическомъ основоположеніи: наше знаніе ограничено и призрачно,—мы знаемъ только явленія, но никогда не знаемъ и не можемъ узнать сущностей или субстанцій,—очевиднымъ образомъ предполагаетъ дѣйствительное существование какихъ-то непостижимыхъ и на явленія ни въ чёмъ непохожихъ субстанцій; иначе для скептической оцѣнки нашего познанія не было бы никакого оправданія¹⁾). 5) Идеализмъ или спиритуализмъ.

Это значитъ, что въ философіи существуетъ всего пять коренныхъ системъ или типовъ пониманія дѣйствительности.

¹⁾ Правда, подъ феноменизмомъ иногда разумѣютъ ученіе о томъ, что никакихъ субстанцій не бываетъ, а существуютъ *одни явленія*. Однако, въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ того, какъ понимаютъ слово *явленія*. Если подъ нимъ разумѣютъ движенія матеріи, происходящія въ настѣ и независимо отъ нашего восприятія, тогда феноменизмъ окажется лишь особою формою, или, лучше сказать, особымъ и при этомъ мало подходящимъ и двусмысленнымъ словеснымъ обозначеніемъ матеріализма. Если, напротивъ, понимать подъ явленіями чисто субъективныя состоянія нашего сознанія, *кромѣ которыхъ ничего нельзъ*, тогда мы получимъ своеобразный видъ спиритуализма въ субъективно-идеалистической формѣ. Но тутъ едва ли можно говорить о какомъ-нибудь совсѣмъ оригинальномъ типѣ умозрительного міропониманія. Такая шаткость термина *феноменизмъ* оправдываетъ введеніе термина *ноуменизмъ*, прямо указывающаго на определенный и особенный взглядъ на истинную природу вещей.

Однако, едва ли мы можемъ остановиться и на этомъ числѣ. Вѣдь двѣ изъ указанныхъ системъ имѣютъ явно смѣшанный, сложный и производный характеръ, представляя сочетаніе началъ, выставляемыхъ въ другихъ системахъ въ своей обособленности и исключительности. Въ самомъ дѣлѣ, ясно, что дуализмъ представляетъ сочетаніе принциповъ спиритуализма и материализма *въ ихъ понятой противоположности* въ одно цѣлое, а гилозоизмъ—*смыщеніе* этихъ принциповъ вслѣдствіе неясности ихъ содержанія для мысли. Такимъ образомъ обѣ системы составляютъ только различныя степени въ развитіи дуалистическихъ представлений (безсознательную и сознательную). Но въ этомъ заключается и судъ надъ ними по ихъ существу. Онъ находятся въ явномъ противорѣчіи съ основной тенденціей мысли къ единству пониманія. Философія, стремящаяся понять бытіе вещей въ ихъ дѣйствительности, не можетъ успокоиться на непримиримой двойственности началъ. А именно такую двойственность имѣемъ мы въ обычныхъ представленіяхъ о матеріи и духѣ, какъ независимыхъ сущностяхъ, которые по всѣмъ признакамъ отрицаютъ другъ друга (одна протяжenna, другая не-протяжenna, одна имѣеть чисто внутреннее бытіе, другая—чисто вѣнчное, одна сознаетъ себя, другая абсолютно безсознательна и т. д.). Какъ изъ нихъ склеить единое существованіе міра? Поставить ли эти сущности рядомъ? Но что же ихъ можетъ связать и заставить дѣйствовать другъ на друга? Приписать ли свойства обѣихъ одной первоначальной вещи, какъ дѣлаютъ гилозоисты? Но стоитъ подумать о такой вещи ясно, какъ изъ одной вещи выйдетъ непремѣнно двѣ. Пускай мы согласимся, что всемирный творческий разумъ есть воздухъ или эаиръ. Мы тотчасъ же убѣдимся, что между воздухомъ въ его физическихъ свойствахъ и бесконечнымъ разумомъ въ его идеальныхъ и абсолютныхъ опредѣленіяхъ нѣтъ никакого подобія, никакой связи, никакого логического отношенія.

Итакъ, дуализмъ противорѣчитъ основной задачѣ философіи—понять единство существующаго. Въ философіи можетъ

имѣть мѣсто только дуализмъ относительный, но никакъ не абсолютный: въ мірѣ мыслимо дѣйствіе лишь такихъ противоположностей, которыя допускаютъ происхожденіе отъ одного общаго источника. Такимъ образомъ только дѣйствительно монистическая система удовлетворяютъ нормальнымъ требованіямъ философскаго пониманія. Напротивъ, дуалистическая ученія въ формѣ ли гилозоизма или дуализма матеріи и духа, или наконецъ абсолютной двойственности еще какихъ-нибудь началь, несовмѣстимы съ самой задачей философіи. Съ другой стороны, даже и помимо вопроса о ихъ внутреннихъ недостаткахъ, дуалистическая системы, просто въ виду ихъ смѣшаннаго характера, не могутъ рассматриваться, какъ независимые типы.

Поэтому основной и типическій характеръ приходится приписать только чистымъ и монистическимъ системамъ: материализму, феноменизму и спиритуализму (поскольку всякий послѣдовательно и до конца проведенный идеализмъ неизбѣжно получаетъ спиритуалистический обликъ). Другими словами мы имѣемъ только *три* основные типа умозрительного пониманія вещей. Легко видѣть, что ихъ не можетъ и не должно быть больше: это ясно вытекаетъ изъ самой психологіи человѣческаго ума. Наша мысль никогда не бываетъ абсолютно безпредметной; какъ бы она ни была отвлечена, она всегда направлена на что-нибудь данное, на нѣкоторое наличное ей содержаніе, хотя бы она его разсматривала въ самыхъ общихъ признакахъ и отношенияхъ. Поэтому каждое дѣйствіе разума въ послѣднемъ своемъ основаніи должно имѣть точку отправленія и постоянную точку опоры въ непосредственно наличномъ, прямо испытанномъ, въ томъ, что можно назвать *воззрѣніями* или, употребляя еще болѣе широкій терминъ, непосредственными *переживаніями* нашего сознанія и самочувствія. Въ этомъ отношеніи вполнѣ правильно приходится утверждать: понятій совсѣмъ безъ воззрѣній нѣтъ, если только они не выражаютъ голаго отрицанія. Но что же намъ прямо открыто, что нами непосредственно переживается?

Въ отвѣтѣ также едва ли можетъ быть сомнѣніе: непосредственно намъ открыта только сознательная жизнь нашего собственного духа, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ и отдалахъ, и все другое, лишь насколько оно въ нее входитъ и составляеть ея часть. Но въ себѣ мы находимъ, съ одной стороны, данные о своемъ собственномъ внутреннемъ субъективномъ существованіи (въ формѣ нашей воли, чувства, пониманія), съ другой стороны, о какомъ-то существованіи, намъ внѣшнемъ и отъ насъ отличномъ, которое, однако, все же непосредственно рисуется для насъ качествами и отношеніями нашихъ душевныхъ состояній—ощущеній. Такъ возникаетъ для насъ различие опыта внутренняго и опыта внѣшняго. Одни и тѣ же данные непосредственного сознанія, одинъ разъ отнесенные во всей своей совокупности къ переживающему ихъ субъективному центру, порождаютъ концепцію духа,—другой разъ, въ опредѣленной своей части (въ совокупности внѣшнихъ ощущеній) отнесенные къ чему-то постороннему намъ и отъ насъ независимому, сливаются въ концепцію *тѣла* или материального міра.)¹⁾ Внѣ разнообразныхъ группировокъ этихъ данныхъ и внушаемыхъ ими концепцій наша мысль не можетъ имѣть никакого положительного содержанія: всѣ категории нашего ума вырастаютъ на этой почвѣ и не могутъ быть отъ нея оторваны. А это значитъ, что мы только то можемъ понять и представить себѣ, какъ дѣйствительное, что подчиняется духовнымъ или материальнымъ аналогіямъ, т.-е. чему мы можемъ приписать или духовные, или материальные признаки. Что совсѣмъ и ни въ какомъ отношеніи не имѣть въ себѣ ничего духовнаго или физического, то мы не можемъ положительно мыслить, какъ реальное. Это общее правило можно было бы назвать *воззрительнымъ постулатомъ* нашей мысли. Что не

¹⁾ Я не хочу настаивать, что только внѣшнія ощущенія сливаются для насъ въ образъ чего-то отъ насъ независимаго; я утверждаю только ту самоочевидную вещь, что никакія концепціи независимыхъ отъ насъ существъ или вещей не могутъ выходить изъ сферы данныхъ сознанія, будь ихъ характеръ субъективенъ или объективенъ.

мыслить и не想要 и ничего не чувствуетъ, и что, съ другой стороны, не протяженно, не движется и не обнаруживается ни въ какихъ другихъ вѣшнихъ дѣйствіяхъ, то для нашей мысли совершенное ничто. И если, тѣмъ не менѣе, мы по какимъ-нибудь соображеніямъ чему-либо подобному захотимъ приписать реальность, мы можемъ составить о немъ только чисто отрицательное понятіе, черезъ устраненіе всего намъ понятнаго, т.-е. признать его какъ что-то абсолютно непостижимое. Все это относится и къ нашимъ понятіямъ объ абсолютной основѣ или объ абсолютной природѣ вещей. Сущность вещей должна быть понимаема или по духовнымъ или по физическимъ аналогіямъ, и если она въ нихъ совсѣмъ никакъ не умѣщается, мы не можемъ о ней составить никакой положительной идеи, — въ этомъ естественная граница всякихъ метафизическихъ построеній. А изъ этого съ очевидностью вытекаетъ, что можетъ быть только двѣ *положительныя* типическія системы метафизики: спиритуализмъ, понимающій дѣйствительность по аналогіямъ духовнымъ, и материализмъ, понимающій ее по аналогіямъ физическимъ. Рядомъ съ ними возможна одна *отрицательная* типическая система, не признающая въ истинной реальности никакого подобія съ какими-нибудь духовными или материальными отношеніями и свойствами — таковъ агностицизмъ или ноуменизмъ. Всѣ исторически существующія философскія теоріи въ своей метафизической части представляютъ только различные видоизмѣненія, сочетанія и смѣщенія этихъ основныхъ и неустранимыхъ точекъ зреянія.

Эти основные типы умозрѣнія допускаютъ и въ своемъ чистомъ видѣ нѣкоторыя внутреннія варіаціи въ зависимости отъ различныхъ возможностей конкретнаго развитія исходныхъ положеній въ этихъ типахъ. Напримѣръ, материалистическое міросозреаніе всего скорѣе облекается въ форму атомизма; но все же это не единственная его форма. Мыслимы (и они дѣйствительно встречаются въ исторіи) такія предположенія объ абсолютномъ веществѣ міра, по которымъ никакихъ недѣлимыхъ и въ себѣ неизмѣнныхъ элемен-

това вѣщества въ природѣ нѣть, и оно все сливаются въ одну, вѣчно мѣняющую виды своего бытія сущность. Подобнымъ образомъ и спиритуализмъ чаше всего получаетъ форму монадологизма, т.-е. признанія реальной множественности центровъ духовнаго существованія; но рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ спиритуалистическія теоріи пантейстического характера,—наконецъ, иногда спиритуализмъ, какъ у Берклия, вполнѣ совпадаетъ съ субъективнымъ идеализмомъ. Менѣе всего варіацій въ этомъ смыслѣ наблюдается въ метафизическомъ содержаніи ноуменистическихъ гипотезъ, что является совершенно понятнымъ въ виду чисто отрицательнаго значенія ихъ утвержденій. Однако, подобныя варіаціи вообще мало мѣняютъ въ коренной сути каждого данного міросозерцанія, а иногда онѣ довольно легко совмѣщаются между собою. Напримѣръ, спиритуализмъ Лейбница представляетъ ярко выраженное монадологическое учение; но уже у нѣкоторыхъ ближайшихъ послѣдователей его монадологизмъ пріобрѣтаетъ обоснованіе пантейстическое; и то-же самое приходится сказать о проповѣдникахъ монадологического взгляда въ эпоху позднѣйшаго нѣмецкаго идеализма (напр. у Лотце). Наконецъ, уже самъ Лейбницъ можетъ быть охарактеризованъ, какъ субъективный идеалистъ въ учениі о воспріятіи пространства и времени и о подлинной природѣ матеріальныхъ вещей; позднѣйшія спиритуалистическія теоріи еще болѣе доказали, какъ разнообразно можно пользоваться при проведеніи спиритуалистическихъ воззрѣй предположеніями субъективнаго идеализма (хотя бы въ формѣ гносеологии Канта).

II.

Допустимъ, что указанныя сейчасъ три типическія системы равнозѣнны и одинаково хорошо (или дурно) объясняютъ міръ. Онѣ и въ такомъ случаѣ не теряли бы своего теоретического достоинства. Онѣ все-таки оставались бы тремя единственными возможностями объяснять вещи.

Мы не могли бы приписать ни одной абсолютной достовѣрности; но все же каждой изъ нихъ принадлежала бы, при ихъ полной равноправности, совершенно опредѣленная вѣроятность. Что подобнымъ вѣроятнымъ построеніямъ можетъ принадлежать очень высокое теоретическое и научное значеніе, лучшее тому доказательство даетъ одна изъ наиболѣе образцовыхъ по своей точности наукъ — геометрія. Въ самомъ дѣлѣ, мы не имѣемъ никакихъ дѣйствительныхъ эмпирическихъ данныхъ, чтобы при объясненіи реального пространства геометрическую систему Эвклида непремѣнно предпочесть системѣ Лобачевскаго или систему Лобачевскаго поставить выше системы Римана. У насъ нѣтъ основаній, чтобы одну изъ нихъ признать за абсолютную истину, а двѣ другія разъ навсегда осудить, какъ завѣдомыя фикціи. Всѣ три системы приходять къ заключеніямъ весьма различнымъ между собою. Тѣмъ не менѣе никто не скажетъ, что геометрическія изслѣдованія представляютъ безполезное занятіе. То же самое должно относиться и къ изслѣдованіямъ метафизическимъ: если указанныя три метафизическія системы оказываются единственно возможными воззрѣніями на существующее, изученіе ихъ содержанія и заключающихся въ нихъ неизбѣжныхъ выводовъ должно вызывать глубокій теоретический интересъ, совершенно помимо вопроса о томъ, обладаетъ ли какая-нибудь изъ этихъ системъ исключительною и абсолютною достовѣрностію.

Но далѣе подымается не менѣе важный вопросъ: точно ли всѣ три системы обладаютъ полною логическою равноправностію? Вѣдь, по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ повидимому уже сыграла свою философскую роль и едва ли когда-нибудь возродится въ формѣ абсолютной всеобъемлящей и догматической истины. Я разумѣю въ этомъ случаѣ материализмъ. Съ первого взгляда такое мнѣніе можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Вѣдь трудно спорить, что міросозерцаніе, распространенное среди просвѣщенныхъ людей и даже среди ученыхъ, въ своихъ теоретическихъ и практическихъ

выводахъ болѣе всего напоминаетъ материализмъ. О внутреннемъ сродствѣ съ материализмомъ такъ называемаго научнаго міровоззрѣнія было уже неоднократно говорено раньше. А между тѣмъ именно это міровоззрѣніе считается наиболѣе достойнымъ предметомъ вѣры для человѣка образованнаго. Когда отъ него отклоняются, обыкновенно дѣлаютъ это, уступая нравственнымъ и эстетическимъ потребностямъ, не оспаривая его совершенной и исключительной рациональности. Какъ же говорить, что метафизическая система, которая положена въ основу такого міровоззрѣнія, должна вѣтъ вѣкъ и кончаетъ свою историческую роль?

Тѣмъ не менѣе, многое заставляетъ думать, что дѣло обстоитъ именно такъ. Съ материализмомъ происходитъ то, что часто наблюдается въ исторіи особенно популярныхъ религіозныхъ и философскихъ учений. Онъ пользуется широкимъ признаніемъ въ своихъ выводахъ, частныхъ приложеніяхъ, жизненныхъ оцѣнкахъ; но онъ непоправимо пошатнулся въ своихъ принципіальныхъ основаніяхъ. Приходитъ сказаться болѣе: какъ философская система, претендующая на полную объективную достовѣрность, онъ сталъ совсѣмъ невозможенъ. Если для очень многихъ онъ до сихъ поръ является непоколебимымъ отрицательнымъ критеріемъ всего, во что они могутъ вѣрить и что обязаны отвергать, то едва ли часто мы встрѣтимъ философски образованныхъ людей, которые принимаютъ материалистическую систему бытія,—въ формѣ ли наивныхъ фантазій Лукреція Кира, въ формѣ ли категорическихъ приговоровъ Гоббса, въ формѣ ли „системы природы“ Гольбаха, или въ болѣе смягченной и гораздо менѣе послѣдовательной формѣ катехизиса нѣмецкихъ материалистовъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ,—за положительную метафизическую догму, въ которой содержится окончательное и единственное слово истины. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій едва ли можно указать хотя одно замѣтное произведеніе философской литературы, въ которомъ материалистическая теорія защищалась бы во всей полнотѣ своего содержанія и своихъ

дѣйствительныхъ посылокъ. Зато слишкомъ часто наблюдается другое: появленіе сочиненій, даже цѣлыхъ школъ, въ которыхъ материализмъ проводится подъ чужимъ флагомъ, то черезъ подмѣну его во всѣхъ опасныхъ и щекотливыхъ пунктахъ агностицизмомъ позитивистовъ, то, какъ у новѣйшихъ эмпиріокритицистовъ, черезъ сліяніе его съ совершенно противоположными ему точками зрењія чистаго сенсуализма и даже субъективнаго идеализма, при чемъ вся доктрина материализма на словахъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергается, а на дѣлѣ усерднымъ образомъ охраняется съ помощью удивительно ухищренныхъ манипуляцій надъ темными и вычурными терминами. Возникаетъ невольный вопросъ: отчего, если материализмъ всѣмъ такъ дорогъ и близокъ, его какъ-то не рѣшаются защищать прямо и открыто? Отчего философски размышляющіе люди его не проповѣдуютъ въ его чистомъ и настоящемъ видѣ, а предпочтитають подмѣнять его мало куда пригодными суррогатами? Минь кажется, отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ: за послѣдніе полтора вѣка въ философіи и въ наукѣ произошли такія перемѣны, послѣ которыхъ материалистическая гипотеза въ своихъ принципіальныхъ основаніяхъ постепенно потеряла всякое философское правдоподобіе и потеряла его прочно.

И прежде всего логическому правдоподобію материализма, какъ объективной метафизической истины, нанесла совершенно непоправимый ударъ философія Канта. Какъ бы ни относились мы къ дѣлу Канта и какъ бы ни смотрѣли на его критическую философію въ цѣломъ, въ этомъ пунктѣ, кажется, всѣ должны оказать ему справедливость: учение Канта объ идеальности пространства и времени не прошло даромъ въ исторіи человѣческой мысли. Послѣ Канта нельзя стало смотрѣть на пространство и время, какъ на независимыя отъ нашей мысли и чувственной восприимчивости абсолютныя вмѣстилицы, въ которыхъ искони вѣковъ, разъ навсегда заготовлены мѣста и сроки всѣхъ будущихъ вещей; въ нихъ стало нельзя видѣть первое реальное, отъ

которого зависит всякая другая реальность. Такую оценку слишком часто внушал прирожденный человечку наивный реализмъ, и вотъ Кантъ съ изумительной силой заставилъ почувствовать полную несостоятельность и решительную немыслимость подобной оценки. Этимъ самymъ онъ косвенно убивалъ материализмъ, какъ метафизическую систему, т.-е. какъ теорію, которая заявляетъ притязаніе на пониманіе истинной, независимой отъ насъ или абсолютной природы вещей. Вещество, материалистически понимаемое, всецѣло существуетъ въ пространствѣ и времени. Если ихъ абсолютная реальность заподозрѣна,—тѣмъ самymъ заподозрѣна и его реальность; если эта ихъ реальность отринута, тѣмъ самymъ отвергнута абсолютная матерія.

Впрочемъ, разрушительная роль Канта по отношенію къ материализму не ограничивается только его решеніемъ проблемы о пространствѣ и времени. По общему строю его міросозерцанія, всѣ какія бы то ни было материальная отношенія, свойства и даннія безусловно замыкались въ чувственно постигаемомъ феноменальномъ мірѣ, существующемъ только въ сознаніи человѣкоподобныхъ существъ, но ничто изъ этихъ свойствъ и отношеній не могло попасть въ умопостигаемый міръ независимыхъ отъ насъ реальностей. Въ Кантовскомъ мірѣ ноуменовъ не было места ни для какихъ материальныхъ аналогій,—не даромъ Кантъ, несмотря на громко провозглашенный имъ принципъ теоретического агностицизма въ метафизикѣ, черезъ всю свою жизнь оставался глубоко убѣжденнымъ спиритуалистомъ.

И Кантъ не остался одинокимъ въ этомъ убийственномъ ударѣ материализму, какъ метафизической системѣ, нанесенномъ съ точки зренія тѣхъ основныхъ понятій, съ которыми материализмъ обращается. Послѣ Канта возникъ цѣлый рядъ глубокихъ и талантливыхъ изслѣдований, которые невольно били въ тоже большое мѣсто материалистической доктрины. Именно послѣ Канта особенно серьезно и строго были поставлены вопросы о психологическомъ происхождѣніи нашихъ идей о пространствѣ, времени, отдельныхъ ма-

теріальнихъ свойствахъ, самомъ веществѣ и вещественномъ мірѣ, и съ каждымъ новымъ шагомъ въ этихъ изслѣдованіяхъ все болѣе становилось яснымъ, съ какими сложными, условными и производными продуктами нашего безотчетнаго, душевнаго творчества имѣемъ мы дѣло во всѣхъ подобныхъ концепціяхъ. Въ особенности сама собой выдвигалась неизбѣжная субъективность этихъ концепцій, ихъ соотносительность съ законами, формами и условіями нашего духовнаго склада и съ непосредственными данными нашего сознанія. Этимъ система метафизического материализма подкапывалась въ самомъ своемъ фундаментѣ; вѣдь материализмъ весь коренится на безотчетномъ и некритическомъ переносѣ нѣкоторыхъ психическихъ данныхъ и вытекающихъ изъ нихъ общихъ представлений (о протяженности, тѣлесности, движениіи, сопротивленіи и проч.) на трансцендентную сущность, которой приписывается абсолютно *внѣ-психическое* и *непсихическое* бытіе. Въ этомъ отношеніи психологія нашего ума является для материализма опаснѣйшимъ врагомъ.

А съ другой стороны материализмъ терпѣлъ удары отъ такой области, для которой онъ былъ неизсякаемымъ источникомъ ея наиболѣе популярныхъ гипотезъ, — я разумѣю область наукъ физическихъ въ широкомъ смыслѣ этого понятія. Материализмъ тѣсно сливаются съ чисто механической гипотезой природы, — лучше сказать, онъ и есть только эта гипотеза, провозглашенная за абсолютную истину для всѣхъ вещей. Поэтому всякое колебаніе механическаго міропониманія ведетъ за собой сомнѣніе въ основахъ материалистической философіи. Между тѣмъ, если въ послѣдніе вѣка механическія толкованія явлений природы достигли небывалаго разнообразія и блеска, то съ другой стороны за эту же эпоху были сдѣланы смѣлые попытки отстаивать немеханические взгляды на природные процессы. Еще въ XVIII вѣкѣ начинаютъ возникать динамическая теорія вещества, обращающія элементы вещественной дѣйствительности въ идеальные центры силъ. Эта идея въ теченіе XIX столѣтія принимаетъ довольно разнообразныя формы. Наконецъ, въ

послѣднее время пользуется широкимъ распространенiemъ энергетическое ученіе о природѣ, еще болѣе рѣшительно отрицающее понятіе о веществѣ въ материалистическомъ смыслѣ. Нельзя также не отмѣтить перемѣнъ во взглядахъ на физическую природу, вызванныхъ новѣйшими научными открытиями. Сама механика въ своемъ прежнемъ, классическомъ видѣ, на которую раньше нерѣдко смотрѣли, какъ на чисто априористическую науку, продиктованную самой организаціей нашего разума, начинаетъ колебаться въ своихъ основаніяхъ. Въ ней все болѣе начинаютъ подчеркивать условные, эмпирические, даже сомнительные элементы. А материализмъ, какъ мы знаемъ, въ значительной мѣрѣ представляетъ только возведеніе обычныхъ механическихъ понятій въ достоинство абсолютныхъ онтологическихъ нормъ. Въ наукѣ, повидимому, одерживаетъ побѣду символическое и абстрактно-математическое пониманіе природы вещества. Но въ такомъ пониманіи дается слишкомъ мало материала для поддержанія какой-нибудь опредѣленной метафизической доктрины.

Если такимъ образомъ метафизическая притязанія материализма все менѣе находять себѣ опоры даже въ области наукъ физическихъ, онъ оказывается тѣмъ болѣе безсильнымъ, когда изъ него пытаются сдѣлать всеобъясняющую гипотезу при изученіи психическихъ явлений. Вообще, неспособность материализма обосновать и дѣйствительно объяснить возникновеніе и свойства какихъ бы то ни было психическихъ процессовъ еще со временъ древнихъ атомистовъ составляли его наиболѣе уязвимое мѣсто. И чѣмъ болѣе расступь психологическія изслѣдованія, чѣмъ болѣе расширяются горизонты психологіи, чѣмъ болѣе тонкія и сложныя душевныя состоянія становятся предметомъ детального анализа, тѣмъ беспомощнѣе и бесполезнѣе является при ихъ толкованіи материалистическая метафизика. По этому поводу приходится сдѣлать важное общее замѣчаніе: материализмъ въ большей степени, чѣмъ какія-либо другія метафизическія гипотезы, зависитъ отъ отдѣльныхъ фактовъ. О такой зависи-

мости для другихъ метафизическихъ гипотезъ почти не приходится говорить. Ихъ повѣрка заключается въ ихъ принципиальной мыслимости въ качествѣ объясняющихъ предложений по отношенію къ наблюданной дѣйствительности вообще; насколько хорошо онѣ объясняютъ одни факты, настолько же объясняютъ онѣ и всякие другие реальные и отвлеченные мыслимые факты. Если теорію агностицизма и ноуменизма считать по существу достаточной, она будетъ одинаково покрывать всѣ возможные факты опыта и между ними въ этомъ отношеніи едва ли можно установить какую-нибудь градацию. Если мы признаемъ спиритуализмъ, — въ формѣ ли монадологіи или въ формѣ Берклеевскаго субъективнаго идеализма, — едва ли можетъ быть рѣшительный споръ о томъ, какія явленія природы совмѣщаются съ этими точками зрењія, какія нѣтъ. Тѣ же замѣчанія можно сдѣлать о предположеніяхъ гилозоизма или дуализма. Всякіе факты, и дѣйствительные, и только вѣроятные, и просто отвлеченно-мыслимые могутъ быть при нихъ приняты съ этой самой своей характеристикой, какъ дѣйствительныхъ, вѣроятныхъ, возможныхъ. Материалистическая гипотеза въ этомъ смыслѣ находится въ совершенно исключительномъ положеніи: съ незапамятныхъ временъ она вынуждена была отрицать безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ фактовъ, которые въ обычномъ мнѣніи людей признавались возможными и вѣроятными или даже прямо дѣйствительными. Въ этой опредѣленности принциповъ материализма заключается ихъ своеобразное достоинство, благодаря которому онъ оказалъ немалыя заслуги въ исторіи культуры, но въ ней же лежитъ для него источникъ постоянной опасности: это единственная метафизическая система, которую могутъ убить отдельные факты. Допустимъ, напримѣръ, что неоспоримо доказанъ хотя одинъ случай ясновидѣнія во времени, т.-е. безотчетнаго интуитивнаго предвидѣнія какого-нибудь сложнаго будущаго события во всей полнотѣ его подробностей, при чемъ не могло бы быть рѣчи ни о случайному совпаденіи, ни о рациональномъ предугадываніи на основаніи со-

временныхъ обстоятельствъ,—такой одинъ случай быль бы смертнымъ приговоромъ для материалистической системы. Онъ находился бы съ ней въ явномъ противорѣчіи, потому что для материализма можно говорить о реальности настоящаго и реальности прошлаго, но нѣтъ совсѣмъ никакого смысла говорить о *данной реальности будущаго*; потому что для него вообще только прошлое опредѣляеть будущее, а никакъ не наоборотъ. Между тѣмъ, можно ли съ абсолютною увѣренностю сказать, что ни одинъ подобный случай никогда не будетъ доказанъ? Вѣдь чѣмъ болѣе углубляемся мы въ изученіе душевной жизни, тѣмъ болѣе открывается передъ нами жуткихъ и странныхъ загадокъ. Вообще, плохо міросозерцанію, важнѣйшая опора котораго въ отрицаніи неизслѣдованныхъ фактovъ. Ничего нѣтъ труднѣе на свѣтѣ, какъ доказывать абсолютное несуществованіе чего бы то ни было. Между тѣмъ спиритуалисты, или поборникъ агностицизма, или дуалисты или даже гилозоисты могли бы спокойно принять подобный доказанный случай: они знали бы, что произошелъ онъ или нѣтъ—это ничего не мѣняетъ въ истинной сути вещей.

Главная бѣда материализма однако далеко не въ томъ только, что нѣкоторые проблематические факты, если бы они были доказаны, составили для него величайшее затрудненіе—есть одинъ фактъ совсѣмъ не проблематическій, а, напротивъ, обладающій для насъ исключительной достовѣрностю и несомнѣнностю и который помирить съ материализмомъ никакъ не менѣе трудно, чѣмъ детальное предвидѣніе какихъ бы то ни было будущихъ событий. Если мы это не въ такой степени замѣчаемъ, то только потому, что этотъ фактъ очень для насъ привыченъ, да не новость и и весьма дурное положеніе, въ которомъ находится материализмъ по отношенію къ нему. Этотъ фактъ есть существованіе нашей психики или вообще какой бы то ни было психики, разъ мы допускаемъ ея существованіе въ природѣ. Въ чёмъ основной тезисъ материализма, полагающей его коренное различие отъ другихъ метафизи-

ческихъ теорій? Существуютъ только тѣла съ ихъ физическими и геометрическими свойствами, какъ чисто вѣшнее бытіе въ пространствѣ; и существуютъ движения тѣль, какъ ихъ чисто вѣшняя перемѣна мѣста: кромѣ этого въ природѣ ничего нѣтъ. Иначе и еще короче эту мысль можно выразить такъ: въ природѣ все абсолютно объективно (физически предметно)—въ ней нѣтъ ничего субъективнаго. Но разъ мы это скажемъ, мы тѣмъ самымъ признаемъ величайшій абсурдъ: субъективность есть данный, ничѣмъ неустранимый фактъ. Мы думаемъ, чувствуемъ, хотимъ, испытываемъ отвращеніе, и никто насъ не убѣдить, что это неправда. Матеріалистъ скажетъ: наша субъективность есть тоже лишь эфемерный, случайный и непостижимый продуктъ объективнаго въ себѣ матеріального процесса. Но вѣдь и о предвидѣніи будущаго можно, пожалуй, сказать, что оно есть непостижимый продуктъ матеріального процесса; будетъ ли это объясненіе? На самомъ дѣлѣ психика вовсе не есть непостижимый продуктъ матеріального процесса; она его *невозможный продуктъ*, если только этотъ процессъ есть то, что о немъ думаютъ матеріалисты. Пускай въ объективной реальности даны протяженные, непроницаемые, но безчувственные элементы (иныхъ элементовъ для матеріализма въ природѣ нѣтъ): какое взаимное расположение имъ ни давать и въ какія стороны ихъ ни двигать, какъ они станутъ ощущенiemъ цвѣта? Въ какой моментъ можно было бы поставить знакъ полнаго тожества между въ себѣ-безцвѣтнымъ движениемъ и ощущенiemъ данного цвѣта? Или, какимъ образомъ и когда въ себѣ-беззвукное движение какихъ бы то ни было механическихъ частицъ можетъ оказаться ощущенiemъ звука? Или, какъ элементы, абсолютно безчувственные и безсознательные, только мѣняя мѣста, но внутренно оставаясь тѣмъ-же, чѣмъ были всегда, превратятся однако въ испытываемое нами чувство боли? Признавать одно и тоже, въ одно и тоже время и ощущаемымъ и никѣмъ неощущаемымъ и сознательнымъ и совсѣмъ безсознательнымъ, и психическимъ и абсолютно непсихиче-

скимъ, не значить ли бросать отважный вызовъ самымъ элементарнымъ требованиею закона противорѣчія? Скажутъ ли, что здѣсь дѣло идетъ не о тожествѣ материальныхъ и психическихъ состояній,—а только о *превращеніи* однихъ въ другія? Но вѣдь весь вопросъ въ томъ, какъ мыслить такое превращеніе? Разъ вещество въ себѣ безчувственно, и въ немъ нѣтъ никакихъ другихъ процессовъ, кроме движений въ себѣ безчувственныхъ частицъ, то и всякое превращеніе въ природѣ можетъ быть только такимъ движениемъ. Но въ движениіи безсознательныхъ тѣлъ, какъ ни осложнить его механическую схему, все же кроме него самого ничего не будетъ. Какимъ же образомъ въ его результатахъ явятся субъективныя психическая состоянія, хотя, по предположенію, кроме него ничего нѣтъ? Къ какимъ бы словамъ мы ни прибѣгали, мы все-же окажемся не въ силахъ выразить въ материалистическихъ терминахъ то, что явно выходитъ за ихъ предѣлы. Въ этомъ заключается источникъ неизбѣжной неустойчивости материалистическихъ учений въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ ставится серьезно вопросъ о возникновеніи психики. Имъ приходится отказываться отъ мысли, что протяженность, непроницаемость, подвижность, инерція и т. п. составляютъ единственныя, исчерпывающія и покрывающія все свойства матеріальной основы сущаго. Обыкновенно они бываютъ вынуждены или предположить внутреннююrudиментарную одушевленность всѣхъ элементовъ вещества и въ извѣстной намъ психикѣ людей и животныхъ видѣть только концентрацію психическихъ способностей, разлитыхъ во всей природѣ, или прибѣгнуть къ неопределеннымъ соображеніямъ о томъ, что механическія свойства вещества представляютъ только относительное и феноменальное выражение его сущности для нашего вѣнчанаго опыта, достаточное для цѣлей естествознанія, но ничего не говорящее объ истинной сути матеріального, которая навсегда останется непостижимою. Не нужно, однако, большой проницательности, чтобы замѣтить, что оба приведенные предположенія выражаютъ решительный отказъ

отъ материализма и принадлежать къ метафизическимъ объясненіямъ совсѣмъ другихъ типовъ: въ первомъ ясно высказывается точка зрењія илозиизма, во второмъ агностичизма или ноуменизма.

Въ виду разсмотрѣнныхъ недостатковъ материализма, въ особенности послѣдняго, въ настоящее время все яснѣе обрисовывается для философской мысли, въ чёмъ состоитъ его коренная несостоятельность, какъ метафизической системы: онъ совершенно не выдерживаетъ той единственной повѣрки, о которой вообще можно говорить по отношенію къ метафизическімъ гипотезамъ. Повѣрка всякой гипотезы заключается въ выводимости той реальности, для объясненія которой она придумана, изъ ея предположеній. Но для научныхъ гипотезъ такая повѣрка состоить въ выведеніи какой-нибудь частной группы фактовъ во всѣхъ ея особенностяхъ и связяхъ изъ опредѣленныхъ, предположенныхъ для нихъ специфическихъ причинъ. Метафизическія гипотезы уже не имѣютъ дѣла съ какими-нибудь частными, особенностями фактами. Они отвѣчаютъ на вопросъ объ общихъ условіяхъ и основаніяхъ возможности той дѣйствительности, которая непосредственно лежитъ передъ нами и прямо нами переживается. Эти гипотезы неизбѣжно трансцендентны по своему содержанію,—въ томъ смыслѣ, что кроме непосредственно данного нашему сознанію, мы признаемъ нѣчто отличное и независимое отъ него, какъ его причину. Мы не считаемъ непосредственно переживаемый міръ своего собственного сознанія за всю реальность,—вотъ въ чёмъ лежитъ корень метафизики. Мы совершенно не можемъ удовлетвориться предположеніемъ, что вся дѣйствительность заключена въ случайному содержаніи нашего единоличного опыта и что кроме моего я, съ наполняющими его мимолетными субъективными образованіями, ничего нѣтъ на свѣтѣ. Другими словами, всегдашнее оправданіе метафизики въ ея стремлениі утверждать существованіе трансцендентныхъ вещей, заключается въ немыслимости солипсизма какъ законченного міросозерцанія. Нѣчто непосред-

ственно дано нашему сознанию, въ видѣ субъективныхъ переживаний нашей мысли, воли и чувства, съ одной стороны, въ видѣ безконечно разнообразныхъ ощущеній и воспріятій, съ другой, — но оно полно противорѣчій и несообразностей, оно стоитъ въ кричащемъ разногласіи съ очевидными требованиями и законами разума, если въ этого даннаго и кромѣ него ничего нѣтъ. Этимъ мысль невольно гонится въ трансцендентную сферу, за предѣлы субъективности. Подумаемъ только со всей серьезностью, въ какую логическую безурядицу обратится видимая вселенная, если до конца и совсѣмъ отвергнуть всякую реальность въ насъ, какъ материальныхъ вещей, такъ и сознающихъ себя личностей. Какъ мы могли убѣдиться въ предшествующихъ главахъ, намъ особенно трудно отринуть бытіе чужого сознанія, чужой интеллигенціи, т.-е. бытіе другихъ психическихъ центровъ рядомъ съ нами. Между тѣмъ мы уже знаемъ, что предположеніе такого бытія есть по существу трансцендентное предположеніе и что кромѣ того въ немъ заключается неустранимый поводъ къ цѣлому ряду другихъ трансцендентныхъ предположеній — о связи другихъ сознающихъ центровъ съ нами, обѣ объединяющей насъ съ ними средѣ и т. д. Въ силу этого мы съ неумолимою логикою объективируемъ въ безчисленныхъ направленіяхъ наши представленія въ независимую отъ насъ дѣйствительность. Мы это должны сдѣлать прежде всего потому, что безъ этого нашъ субъективный міръ былъ бы сплошнымъ и чудовищнымъ абсурдомъ.

Итакъ, метафизическая гипотезы создаются нашею потребностью объяснить и обосновать наличную дѣйствительность нашего непосредственного субъективного опыта. Изъ этого обратно вытекаетъ основной критерій пригодности всякаго метафизического предположенія, который въ то же время выражаетъ коренной принципъ повѣрки метафизическихъ гипотезъ: *только такая метафизическая гипотеза достигаетъ своей цели и можетъ претендовать на объективное признаніе, изъ*

которой логически объясняется и выводится непосредственная действительность нашего субъективного опыта, по крайней мѣрѣ, въ ея наиболѣе существенныхъ особенностяхъ, качествахъ и законахъ. Если этого требование метафизическая гипотеза совершенно не удовлетворяетъ, она ни на что не нужна, хотя бы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она отличалась логическимъ единствомъ, послѣдовательностью и стройностью. Во всякомъ случаѣ при этомъ уже нельзя говорить объ ея объективной истинности: каждая метафизическая гипотеза должна показать хотя бы общую и принципиальную мыслимость при ея посылкахъ непосредственного содержанія нашей субъективной жизни,—иначе она осуждается себя безповоротно. И вотъ, какъ мы въ томъ могли убѣдиться изъ всего предшествующаго разсужденія, материализмъ совершенно не въ состояніи выполнить этой задачи. Напротивъ, въ этомъ пунктѣ его наиболѣе слабое мѣсто изъ всѣхъ указанныхъ раньше. А это значитъ, что материалистическая система не отвѣчаетъ самому первому и элементарному требованію философской повѣрки. Поэтому въ лучшемъ случаѣ можно говорить о немъ лишь какъ объ остроумной фикціи, удобной и полезной для различныхъ специальныхъ цѣлей, но ничего не открывающей намъ объ истинной природѣ вещей. Мысль о томъ, что въ материализмѣ дана объективная и полная истина о бытіи такъ же неправдоподобна, какъ было бы неправдоподобно отрицать у насъ существованіе нашихъ мыслей, чувствъ, желаній, ощущеній,—вообще всей нашей непосредственной внутренней жизни, хотя ея наличность въ насъ есть самое достовѣрное и бесспорное изъ всего, что мы знаемъ. Чѣмъ строже становится философская мысль, чѣмъ болѣе разсѣвается ореолъ непосредственной убѣдительности, окружающей реалистическую посылку объ абсолютномъ бытіи пространства, времени, воспринимаемыхъ материальныхъ качествъ и т. п., тѣмъ опредѣленнѣе и неустранимѣе надвигается этотъ выводъ. Невольно, по этому поводу, припоминаются мѣткія

слова покойного кн. С. Н. Трубецкого: „Въ наши дни, послѣ вѣкового развитія критической философіи, материализмъ представляется столь же отжившою теоріей, какъ, напр., геоцентрическая теорія“. Дѣйствительно, можно сказать, что философскій материализмъ уже конченъ или, по крайней мѣрѣ, онъ кончается, хотя еще широко вдохновляетъ жизненное міросозерцаніе нашихъ современниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Лопатинъ.
